

Геннадий Шикунов

ИЛЛЮЗИЯ

Ещё раз о евреях, иудеях и прозелитах

Геннадий Шикунов
**Иллюзия. Ещё раз о евреях,
иудеях и прозелитах**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45562779
ISBN 9785005051332*

Аннотация

Книга состоит из нескольких статей, написанных в течение двух десятков лет. Автор пришёл к любопытному и, можно сказать, неожиданному выводу. Если вы думаете, что о евреях всё уже сказано, тогда вы глубоко ошибаетесь. Хотите узнать новое о себе и евреях – дочитайте до конца. Если сможете возразить, оставляйте свой отзыв на сайте книги. Непременно отвечу. Итак, неожиданный вывод вы встретите в заключительной статье. Хотите и сможете аргументированно возразить? Сомневаюсь.

Содержание

Предисловие	5
О еврействе	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Иллюзия
Ещё раз о евреях,
иудеях и прозелитах

Геннадий Шикунов

© Геннадий Шикунов, 2019

ISBN 978-5-0050-5133-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Парадоксальные выводы, которые появились в течение многих лет осмысления этой темы, заставляют ещё раз коснуться её. Читателям предлагаются несколько статей, которые были написаны с начала двухтысячных и опубликованы на портале «Проза.ру».

Автор был безразличен к этой теме до переезда в Москву в середине девяностых, когда новое окружение непременно хотело знать его мнение по этому вопросу. За двадцать лет сложилось не только мнение, но и твёрдое убеждение, на которое не смогли повлиять устремления беспокойных как с одной стороны, так и с другой. Автор считает себя эгоцентристом, который строит СВОЁ мироздание. А при позиции эгоцентриста нет ничего, от чего можно отмахнуться, просто избавившись от этого. Всё имеет свою причину и своё место в процессе миропонимания. Избавиться от дисгармонии можно только тогда, когда понятны причины этой дисгармонии.

Автор понимает, что надоевшая тема избита и одиозна, но хочется предложить немного иной, неожиданный взгляд на неё. Автор также понимает, что оценки будут неоднозначными, но проблема требует прояснения. Вывод, к которому подведёт автор, будет неожиданным и с первого взгляда неприемлемым для многих. Но не стоит спешить с негатив-

ной реакцией, а лучше самостоятельно ещё раз осмыслить её. Решение проблемы напрашивается само по себе. Стремительно приближается время принятия решения. Дело каждого – определить свою позицию самостоятельно, в чём автор каждому желает успеха.

Кстати, никого ни в чём не пытаюсь переубедить. Просто делюсь своим мнением, в котором убедился за столь долгий процесс осмысления данной темы. Если станет интересно, примите к сведению, что есть иная точка зрения на весь еврейско-иудейский аспект нашей жизни, который неожиданно сегодня проявляется в совершенно иной плоскости. И чтобы не ошибиться, нужно максимально глубоко понимать суть проблемы.

Чем Я отличаюсь от ТЕБЯ?

Я могу нравиться, могу не нравиться.

Мне всё равно. Это ТЫ всё не успокоишься...

Нет предела совершенству, которое может отразиться во мне. Я – совершенство! Ты пытаешься достичь совершенства.

(Зеркальное Отражение)

О еврействе

*«Его смерть – на конце иглы, та игла – в яйце,
то яйцо – в утке, та утка – в зайце, тот заяц –
в кованом ларце, а тот ларец – на вершине старого
дуба, а дуб тот в дремучем лесу растёт»
(народная сказка).*

Примерно такой сложный путь нужно пройти, чтобы ответить на вопрос. Затем появляется следующий, следующий, следующий... Нельзя найти ответ на последний вопрос, если не ответишь на первый.

Для меня никогда не стоял остро вопрос о еврействе, но то постоянное упорство, с которым сообщество заставляло меня возвращаться к нему, вынудило пройти долгий путь в понимании его. Результаты впечатляют.

Истина – абсурд (истина там, где всё можно свести к абсурду). В разрешении поставленного вопроса можно быстро всё свести к этому состоянию, но интереснее сам процесс поиска решений перевести в иную плоскость. Почему? Да потому что от времён Страбона до сегодняшних дней звучит одно и то же. Нужно не кривя душой сказать, что это (самоистязание?) или доставляет удовольствие, или не выполняется какое-то условие на протяжении тысячелетий. Что же это за условие? Это один из серии вопросов, которые ждут ответа. Пусть это станет домашним заданием тому, кто захо-

чет самостоятельно ответить на вопрос о еврействе.

В середине девяностых годов уже прошлого века в московском метро я подобрал страницу из газеты «Иностранец». Сочетание интервью с раввином Адином Штейнзальцем из «Иностранца» с только что прочитанной книгой З. Фрейда «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия», а не какие-то «коварные тёмные силы», заставило меня сесть за пишущую машинку.

Прошло всего-то ничего, а как стремительно всё пришло в движение, переходя со времён Страбона в завершающую фазу.

Год 1997-й.

Сегодня еврейский вопрос – великая стена, которую довольно трудно преодолеть, если чётко не представляешь его суть. Это касается всех аспектов жизни каждого и поэтому представляет большой интерес.

Очень жаль, если кто-то попытается вспомнить о межнациональной розни. В этом мире каждая былинка имеет своё предназначение и своё место. Именно это и заставляет попытаться найти иную точку зрения и объяснение якобы необъяснимого феномена еврейства, ибо всё в этом мире можно объяснить, по крайней мере, не так, как представляют это другие.

Вариант экспресс-анализа основан на содержании «Сионских протоколов», изданных в 1927 году князем М. К. Горчаковым, работе З. Фрейда «Человек по имени Моисей и мо-

нотеистическая религия» 1936 года (перевод Р. Ф. Додельцева, 1993 г.) и публикации в газете «Иностранец» от 24 июля 1994 года интервью с раввином Адином Штейнзальцем под названием «Больше иудаизма». Данные публикации взяты вместе случайно. Можно взять ещё десяток, но вывод окажется тем же самым, хотя краски были бы ярче. Автор сожалеет, что данные работы труднодоступны массовому читателю.

Вот уже сто лет, имея двухтысячелетнюю предысторию, «Сионские протоколы» делят всех на тех, кто за и кто против. На тех, кто верит в мировой заговор, кто с ненавистью и бессилием констатирует соответствие столетней истории фактов с изложенной программой в «Протоколах», и тех, кто отрицает программу идеологов иудаизма.

Спор о фальсификации данной работы отступает на второй план. Если судить о мастерстве и глубине анализа темы, работу сделал прекрасный аналитик, будь он заговорщиком или гоем. Можно временно простить ему некоторые «шалости». Но если обратить на них внимание, то изложенная программа рассыплется как карточный домик. Вначале будем следовать избранной точке зрения, а в следующем изложении, когда нужно будет обратить внимание именно на несоответствия и непродуманность некоторых выводов из «Протоколов», скорректируем свою точку зрения. Впереди достаточно времени.

Если пока сдвинуть акцент по принадлежности, то откры-

вается тема достижения власти через разрушение и сохранение существующего порядка.

Достигший вершины теряет цель и должен мучительно заниматься сохранением существующего порядка, а потерявшие власть должны организоваться для достижения далёкой цели. Независимо от масштабности процесса сам процесс не представляет ничего странного и непонятного, если обе стороны играют по одним и тем же правилам. Но в данной игре команды применяют разные правила и пристально изучают правила и слабые стороны противника.

На поверхности появляется другая тема, которая и является более мощной во всех этих рассуждениях. Это тема основывается на качествах организаторов процесса, а точнее, группы людей, которая хочет изменить ход исторического развития в свою пользу.

Возможно ли это? Если да, то как помешать этому? В чём причина, если она есть? Раскрывают ли тайну «Сионские протоколы»?

Прежде чем ответить на эти вопросы, хотелось бы обратиться к Зигмунду Фрейду как основоположнику (?) психоанализа и высказываниям современного «учёного» Адина Штейнзальца.

Чем интересна книга Фрейда о Моисее? Это его последняя работа. На мой взгляд, она должна быть вершиной мастерства человека, посвятившего свою жизнь исследованиям в психиатрии, психологии, философии. Это не новичок,

взявший в руки перо и неумело пытающийся изложить свои мысли. Перед нами совершенный мастер, знающий, как психолог, как и что преподнести, а другими словами, что и как вложить в мозги читателю.

Первые вопросы, которые невольно появляются: зачем Фрейду вбивать клин в историю иудейско-христианской религии? Зачем вообще Фрейд выбрал тему еврейства для последней своей работы? Почему он не захотел её издать сразу целиком? Чего больше боялся?

По поводу изложения появляется вопрос: зачем избранный вариант изложения, основанный на неоднократных повторениях и извинениях за это? Он говорит: «Я знаю, что такой способ изложения столь же нецелесообразен, сколь и не художествен. Я и сам совершенно не одобряю его», — но делает это. Его пространные объяснения не могут скрыть возможность иного смысла, которого хотел бы добиться автор. Если существует иной смысл, что преследуется?

Почему Фрейд, как аналитик, ищет объяснение появления религии только через еврейский народ? — ещё один вопрос, который наводит на мысль о мастерстве психоаналитика или наличии двойной игры.

Читатель, внимательно читающий работу Фрейда, может обратить внимание на то, что предположения, за которые автор извиняется, что они могут быть несостоятельными, далее выступают как исходные данные для выводов и утверждений. Это неопытность автора или уловка?

Вопросов по Фрейду можно задать много. Один из них: созвучны ли фрейдовские идеи с идеями, изложенными в «Сионских протоколах»? И т. д. и т. п.

Более полувека прошло, и уже другой еврей печётся о еврействе. У него другой характер. Он более открыт, если не сказать, что агрессивен. Что он хочет? Что сегодня волнует представителя «избранных»? Созвучны ли устремления российских представителей «избранных» с вождями мирового еврейского движения? Почему Штейнзальцу нужно больше иудаизма, чем евреев? Зачем Штейнзальц печётся о развитии иудаизма в России и выступает против отъезда евреев из России?

Раввин Адин Штейнзальц – основатель и руководитель целой группы учебных заведений в Москве, которые существуют в русле «обширной программы, девиз которой – больше иудаизма».

В предисловии к интервью Роман Сталкер, один из тех, кто занимается в нашей стране вопросами еврейской диаспоры, выражает мысль, что в России евреи оказались ориентированы на образ жизни – сохранение традиции, когда религия и евреи неразделимы, а Штейнзальц обратил внимание, что данная традиция делает больше евреев. Бедные «подпольщики» были смущены, узнав, что главное – иудаизм, а не количественный фактор. Но в своё время в Париже очень удачно наложились две точки зрения на еврейство в России: использовать традицию и вложить в неё истинный

смысл – развитие тенденции, присущие иудаизму. Как это сделать, т. к. еврей без иудаистской наполненности не представляет ценности в развитии еврейства? Еврей без иудаизма ассимилируется с тем народом, где он живёт, и в некотором смысле растворяется в более многочисленном народе. Это и пытается объяснить Штейнзальц. Его интересует мировое еврейство как целый организм. Если учесть, что диаспоры разбросаны по всему миру, то можно прийти к выводу: это означает малую уязвимость и непобедимость организма. Но как может существовать подобный организм? Штейнзальцем предлагается подразумеваемая схема, которая совсем не нова и исходит из истории иудаизма. Она основана на подчинении тех народов, в которых существуют диаспоры. Диаспора должна ассимилироваться с народом, но в то же время навязать ему своё понятийное мышление. Понятийное мышление – ключ к управлению. Только имея один язык, основанный на одинаково воспринимаемых понятиях, можно добиться поставленной цели. Вот почему штейнзальцы пекутся об организации хорошего образования евреев в духе иудаизма в каждой языковой среде.

«Тогда, до революции, вдоволь было и учителей и учеников. Не было только одного – права учиться», – признаётся Штейнзальц. После революции появился лозунг: «Учиться, учиться, учиться!». Но он сработал не так, как хотелось: рыбок в развитии был таким большим и сильным, что расползание иудаизма превратилось в расползание еврейства. Всё

скопище евреев во главе молодого российского государства не смогло привести всё в стране к логически завершённомu финалу. Оно (еврейство) тогда оказалось не готово это сделать. И до сих пор не хочет понять, что эта цель недостижима. Руководители мирового иудаизма, не понимая этого, хотят учесть свои ошибки и считают, что есть возможность в той же России опять попытаться добиться успеха. Нужно вернуться на крепкие позиции и поменять акцент для российских евреев на иудаизм и использовать большую диаспору для достижения этой цели. Россия – та кость в горле, которая во что бы то ни стало должна, по их мнению, превратиться в лакомый кусок. Без России не может быть сложена желаемая мозаика. Качества русских, русский язык, культура – вот главное, что необходимо подчинить себе.

Но на данном этапе – это преграда. «Даже та мизерная научная литература, которая существует здесь, не только написана по правилам старой русской орфографии, но и использует устаревшие понятия. Стало быть, надо, с одной стороны, преодолеть отставание, а с другой стороны – не соглашаться на роль отверженных изгнанников, вынужденных прозябать в этой забытой Богом стране», – говорить Штейнзальц. Остаётся усомниться, что в России евреи чувствовали себя в роли «отверженных изгнанников».

Он говорит, что в Советской России еврейская культура уничтожилась. Что он имеет в виду? Ответ даёт отчасти сам: «Один из способов поддержания тоталитарного режима – от-

сечение, уничтожение тех значений слов и понятий, которые работают против него. Так произошло в действительности: советскому режиму отчасти удалось создать некоторый новояз, который его обслуживал. Что ему удалось полностью – так это выкорчевать все слова, которые обслуживали еврейскую культуру. А если нет слов, не может быть и мыслей, идей, не может быть и полноценных переводов наиболее значительного, что существует на бескрайних просторах еврейской культуры. Языкотворчество – не односторонний процесс».

О каком тоталитарном режиме говорит Штейнзальц? О советском тоталитарном режиме внутри страны или тоталитарном режиме по отношению к стране?

Языкотворчество – мощнейший пласт культуры, который характеризует народ как единое целое. Слегка непонятно предложение Штейнзальца о языкотворчестве, и можно расценить его как медвежью услугу русскому народу: если цель будет достигнута, то на основе русского языка вырастет извращённый понятийный придаток, ориентированный на еврейское понимание мирового устройства и восприятия мира. Возможно ли это? Мы обязательно вернёмся к этому вопросу.

Что касается вывода об успехах «разрушения» культуры тоталитарным режимом, то не усматривается в высказывании Штейнзальца ничего, кроме желания использовать этот приём против российской культуры. По Штейнзальцу можно

сделать вывод, что в предреволюционной России однажды уже была подготовлена почва для интервенции против культурных устоев и закончилась она содроганием мира в виде революции, с результатами которой представители «избранного народа» не смогли справиться так, как этого хотелось бы им.

«Россия на протяжении веков была сердцем еврейского народа», – говорит Штейнзальц. Можно уточнить этот срок. Он составляет тысячу лет, и связан он с крещением Руси, когда семя стало прорасти на теле культуры российского народа в виде христианства и закончилось очередной попыткой прорастания революцией в России, т. к. именно христианство является связующим звеном между российским и еврейским народом. Более того, человек, умеющий думать, догадается, почему именно Россия избрана сердцем.

Штейнзальц прекрасно понимает, что человеком и народом правит идея. И он пытается вложить идею иудаизма в головы евреев российской диаспоры. Это оживит взаимосвязь диаспор в иудаистском теле, но он преследует отнюдь не религиозные цели, под прикрытием религии вкладывается идея великодержавия во главе с руководителями мирового сионизма.

И уже совсем понятно, почему Штейнзальцу хочется, чтобы в России осталось как можно больше евреев. Это потому, что необходима конкретная критическая масса диаспоры, когда начавшийся процесс невозможно будет остано-

вить. Он этого и не скрывает, хотя и кривит душой: «Дело в том, что история не знает примеров полного ухода еврейских общин из какой-нибудь страны добровольно. Подобное случилось лишь в результате насильственного изгнания – скажем, из Польши или Испании. И там действительно нет никакой надежды на возрождение культуры – там некому её возродить».

Значит, избавиться от растлевающего влияния еврейства, если оно есть, возможно, лишь следуя выводу Штейнзальца, при изгнании их из тела того народа, в котором они паразитируют. К счастью или к сожалению, подобными выводами пользуются сразу и те, кто за, и те, кто против.

Штейнзальц искренен в том, что оснований для беспокойства по поводу импорта в Россию образования из Израиля нет. Эта же участь ждёт и еврейскую культуру. Он призывает к развитию самобытности евреев в России.

Странно, ещё раз, о какой это культуре и образовании печётся раввин? Если русские диаспоры за границей хотят сохранить свою самобытность, то о какой самобытности идёт речь в еврейских диаспорах? Ответ напрашивается сам собой: о самобытности приспособления и паразитирования в теле другого народа с целью разрушения и подчинения всей структуры того или иного народа.

«Всё привнесённое имеет свои пределы и свой „лимит“. Можно подражать чему-то, но до определённого предела и не дальше. В чистом виде привнесённое не прорастает

на российской почве», – пришёл к такому выводу «великий учитель», и поэтому остаётся ещё один способ – уничтожить народ изнутри, используя его как сырьё для достижения цели. А цель проста – новый понятийный язык, который разрушит культуру и самобытность народа и который должен служить механизмом взаимопонимания среди евреев и зависимости туловища от головы, где Штейнзальц и ему подобные видят себя головою. И так щедро он тратит свои силы, чтобы «вычертить некоторый „график“ вероятных путей развития еврейской культуры в России».

Раввин учит, как заставить обратить на себя внимание и говорить на понятийном языке глуповатого пока молодого «избранного», а если этого понятийного языка нет, то как заставить самих же гоев по простоте души своей изобрести его для жаждущих иметь его. Лихо, раввин!

Из предварительных выводов могу сделать пока следующий: Адин Штейнзальц не очень скрывает своё великодержавное нутро. Он созвучен с программой из «Сионских протоколов». А если его характеризовать по основоположнику психоанализа Зигмунду Фрейду, то его невротические отклонения переступают определённые границы и дальше начинается уже иное состояние.

А что же представлял собой Зигмунд Фрейд, согласно последней его работе, которую напечатал, когда бояться ему было уже нечего и некого и из-за своей болезни он жаждал смерти?

Итак. Публикация статьи «Моисей – египтянин» – пробный камень для проверки реакции общества на эту тему. Главный вопрос: был ли Моисей евреем или египтянином? Фрейд приходит к мысли, что «лучше воздержаться от любых последующих выводов из представления Моисея египтянином». Напрашивается вопрос: зачем было говорить о своих предположениях в середине тридцатых годов, когда было достаточно смутное время для Европы и еврейства?

«Если Моисей был египтянином...» – вторая статья, в которой в 1937 году Фрейд предпринимает штурм Моисея, заведомо зная, что вся работа не будет опубликована сразу.

У Фрейда еврейские племена представляются как толпа «пришлых, культурно отсталых чужеземцев», а Моисей – как обладатель совершенных знаний египетских фараонов. И в то же время у еврейских племён «неприступный монотеизм», а у египетской религии – «едва обозримое множество божеств различного достоинства».

Напрашивается вопрос: из каких источников появился неприступный монотеизм у культурно отставших племён?

Первый вывод второго изложения истории Моисея говорит о том, что еврейская религия не есть религия Моисея.

Фрейду необходимо связать убийцу Моисея с его религией, его египетским происхождением и еврейским народом, чтобы объяснить, каким образом отсталый народ стал обладателем сокровенных знаний египетских фараонов, которые являлись условием обладания власти и силы фараоном и пе-

редавались из уст в уста держателями власти.

Между строк Фрейд допускает мысль, что монотеизм позаимствован у отсталых племён как всплывшее старое в памяти. Это он делает мимолётом, не акцентируя, просто напоминая, что религия Моисея знакома сформированной еврейским жречеством спустя примерно 800 лет после исхода.

По библейскому тексту Моисей был гневливым и вспыльчивым человеком. Фрейд говорит: «Поскольку такие качества не служат прославлению, они могли соответствовать исторической истине».

Собственно говоря, происхождению Моисея можно было придумать более интересную версию.

Второй Моисей представляет другого бога, грубого, бездушного местного бога, жестокого и кровожадного – зять медиотянина, который... Зачем такой путанный рассказ? Не уловка ли Фрейда, чтобы удержать детективным сюжетом внимание читателя? Мы имеем дело с психиатром и психологом, который посвятил загадкам психики всю жизнь. А это не слишком сложная загадка.

И загадка эта заключается в том, что досужий читатель захочет распутать этот клубок, разложить всё по полкам и понять, зачем же всё это. Пока читатель будет делать это, он настроится на язык, стиль и, дойдя до главного, будет готов воспринять его – установки, ради которых и написана эта книга. Установок много, но вот одна из них: «Насколько нам удалось понять, в Египте монотеизм вырос как побоч-

ный продукт империализма, бог был отражением фараона, неограниченно управляющего огромной мировой державой. Не были ли политические обстоятельства евреев в высшей степени неблагоприятны для дальнейшего движения от идеи бога обособленного народа к идее универсального вседержителя, и по какой-то причине эта крошечная и немощная нация дерзнула выдавать себя за привилегированного любимца великого властителя?» Вероятно, идея «вседержителя» слишком пришлась народу по душе. Думаю, Фрейд правильно сделал этот вывод.

В работе о Моисее привлекает то место, где Фрейд описывает формирование человеческих неврозов. «Ранняя травма – защита – латенция – вспышка невротической болезни – частичное возвращение вытесненного: так выглядела схема развития невроза, установленная нами. Теперь попросим читателя допустить предположение, что в жизни рода человеческого случилось нечто подобное происходившему в жизни индивида», – говорит Фрейд, и затем более полувека подтверждают то же самое другие учёные, уходя далеко вперёд в изучении этого вопроса.

Далее Фрейд говорит: «Полагаю, мы в состоянии расшифровать эти процессы и можем показать, что их симптомоподобными результатами являются религиозные явления». Если сделать предположение, как любил делать Фрейд, и немного сдвинуть изложенное им, основываясь на нём же, то можно сделать вывод, что поведению народа можно при-

писать невроз или следующую ступень развития болезни с проявлением навязчивой идеи.

Если это принять за реальность, то всё становится на место. Фрейд, говоря о религии, расставляет точки над «i», подтверждает, что религия «овладела этим народом, сохранялась им как самое ценное достояние и теперь, в свою очередь, поддерживает жизнь народа, наполняя его гордостью избранничества. Это – религия праотца, с которой связана надежда на воздаяние, на особое положение, наконец, на мировое господство. Это последнее – фантазия-желание, давно оставленная еврейским народом, ещё и сегодня продолжает жить у врагов этого народа в виде веры в заговор „сионских мудрецов“. Мы оставляем за собой право в одной из последующих глав описать, как особые качества заимствованной в Египте монотеистической религии должны были влиять на еврейский народ и долгое время формировать его характер путём отторжения магии и мистики, побуждая его к совершенствованию духовности, подталкивая к сублимации, как народ воодушевляло обладание истиной, наполняло силой сознание избранности, обеспечивая почитание интеллектуального и особое внимание к этическому, и как прискорбная судьба, реальные разочарования этого народа могли усиливать такие тенденции».

Интересно, почему Фрейд иногда с «я» переходит на «мы»? Нельзя ли сделать вывод, что эта работа имеет коллективный характер? К этим вопросам присоединяются ещё:

совершенствовалась ли духовность народа? Отказался ли всё-таки народ от фантазии-желания? Было ли (есть ли) это просто фантазией-желанием?

О христианстве Фрейд говорит: «В некоторых отношениях новая религия означала отступление культуры по сравнению с более старой, иудаистской, как это всегда имеет место при вторжении или при приёме новых человеческих масс более низкого культурного уровня. Христианская религия не сохранила высоты духовности, до которой дорос иудаизм. Она уже не была строго монотеистической, от окружающих народов переняла многочисленные символические обряды, вновь восстановила великое материнское божество и нашла место для размещения многочисленных образов богов политеизма в прозрачной оболочке, хотя и в подчинённом положении. Прежде всего, подобно атоновской религии и следующей за ней религией Моисея она не отгораживалась от проникновения суеверных, магических и мистических элементов, которые должны были стать тяжким препятствием для духовного развития последующих двух тысячелетий».

Опять вопросы: почему Фрейд считает Грецию и Рим человеческими массами «более низкого культурного уровня»? Почему Фрейд не приходит к выводу о деградации египетской культуры, когда имело место не просто вторжение отсталых по культурному уровню еврейских племён в культуру народа, находившуюся в самом пике своего развития, а имел место перенос одной культуры на носителя другой? Если го-

ворить о духовности, то обладает ли вообще иудаизм духовностью, если допустить мысль, что христианство – хорошо продуманный ход для завоевания позиции «вседержителя»?

«Впрочем, – говорит Фрейд, – хорошее правило психоаналитической работы состоит в том, чтобы довольствоваться объяснением наличного и не пытаться объяснить то, что не имело места». Интересно, а зачем же Фрейд делает почти немыслимые предположения, а затем, порассуждав о них, принимает их за отправной материал? «Нельзя втереться в доверие, предлагая ему в одной книге дважды одно и то же. Это результат неумения, упрёк за которое нужно принять». Это не для большого мастера. Значит, есть другой смысл в работе.

Одна из главных причин написания работы – это связать напрочь судьбу народа с религией, которая связывает огромную часть человеческой популяции. Фрейд смакует величие народа – «избранника» бога. Он приписывает и пытается заставить поверить в великолепные качества евреев. Фрейд ещё и ещё раз хочет навязать мысль об исторической неизбежности превосходства еврейского народа.

Вспомните высказывания Штейнзальца о новоязе, о значении навязанных понятий, которые блокируют развитие самосознания. И Фрейд блестяще делает это, рассуждая о религии, о еврейском народе, его предназначении в истории народов, его высокомерии и т. д. и т. п.

Фрейд никогда не забывает о своей миссии и о том, что

выгодно ему (об этом можно судить по характеру публикации работы). Ему и хочется под занавес прокричать, что он не просто еврей, и умный, который понимает, что принадлежит «избранному» народу, и внёс свой вклад в достижение своей цели, но в то же время ему страшно сделать это. Поэтому он решается публиковать работу частями, в которой первые части вводят в заблуждение и в то же время разжигают интерес.

«Среди предписаний моисеевской религии есть одно более важное, чем считалось до сих пор. Это запрет создавать изображение бога, т. е. принуждение почитать бога, которого нельзя видеть». В этом он видит «триумф духовности над чувствительностью». А как же быть с развитием христианства как продолжения иудаизма: мы имеем лик сына-бога, как учит Фрейд? Запрет на изображение бога не есть достижение иудаизма, т. к. отсутствие изображений с человеческим образом присуще и цивилизациям Латинской Америки. Это может говорить об определённой закономерности в этом вопросе. Всё это наводит на мысль о целенаправленности появления иконы с ликом святого.

Далее: «По нашему мнению, речь идёт о переоценке влияния, которое способны оказать на изменение внешнего мира наши психические, в данном случае интеллектуальные действия. Более того, по существу любая магия, предшественница нашей техники, покоится на этой предпосылке. Сюда же относятся и любые заклинания, как и убеждение

во власти, связанной со знанием и произнесением имени. Мы предполагаем, что „всемогущество мыслей“ выражало гордость человечества за развитие языка, следствием которого было весьма значительное продвижение интеллектуальных видов деятельности. Это открыло новую империю духовности, в которой определяющими стали представления, воспоминания и умозаключения в противоположность более низким видам психической деятельности, содержанием которых были непосредственные восприятия органов чувств».

Хочется обратить внимание на то, что Фрейд упоминает о знании в произнесении заклинаний, убеждений во власти, произнесением имени, т. е. о том, что сегодня называется нейролингвистическим программированием. Позже мы ещё вернёмся к этому.

Далее: «У человека появилась потребность вообще ценить „духовные“ влияния: т. е. их нельзя уловить органами чувств, в частности с помощью зрения, но все же они демонстрируют не вызывающее сомнений и даже чрезмерное воздействие». Потребность ценить «духовные» влияния – это для гоев. Для «избранных», напрашивается мысль, – необходимо обеспечить этим влиянием всех, и в это превращается смысл их устремлений, т. к., не отдаляясь от того же Фрейда, приходит на память его высказывание, что еврей руководствуется не чувствами, а выгодой, которую он получит от своей деятельности.

«В результате всех этих продвижений в духовности бы-

ло усилено индивидуальное чувство собственного достоинства, сделавшее людей гордыми, поскольку они почувствовали своё превосходство над другими людьми, оставшимися в тенётах чувственности». Да. Это уже для «избранных», только в чём заключается этот извращённый вариант духовности, когда изначально преднамеренно нарушается симметрия единого целого, когда левое вдруг говорит, что оно важнее правого или правое вдруг заявляет, что оно тяжелее левого потому, что оно находится справа.

«Евреи сохранили ориентацию на духовные интересы, политические злоключения нации научили её оценивать по достоинству единственное имущество, оставшееся им, – свою письменность».

Да, с Фрейдом можно согласиться: письменность – не только ценность, а прежде всего универсальный инструмент опять-таки для того же нейропрограммирования.

Интересны рассуждения Фрейда о Сверх-Я: «В ходе индивидуального развития часть сдерживающих сил из внешнего мира переносится вовнутрь, что образует в Я инстанцию, противостоящую в качестве наблюдающей, критикующей и запрещающей остальному Я. Мы называем эту новую инстанцию С В Е Р Х – Я». Затем Фрейд проецирует Сверх-Я на Моисея. Далее Моисей – воплощение бога еврейского народа, и мысль сводится к тому, что еврейский народ – обладатель истины должен выступать среди других народов как Сверх-Я в индивиде. А коль убиенный Иисус, воплощение

праотца-бога, тоже воплощение бога еврейского народа, то он есть выражение Сверх-Я, которым является весь еврейский народ.

Так постепенно из простого исследования художник рисует картину, которую может нарисовать только ярый сионист.

Фрейд навязывает мысль, что еврейский народ, поражённый нарциссизмом, приобрёл своё положение, исполняя все предписания Моисея.

«Пророки неустанно напоминают, что от своего народа бог не требовал ничего, кроме праведного и добродетельного образа жизни...»

Конструкция запретов также привлекает внимание. Мы ещё должны вернуться к этому вопросу.

Коль выяснено, что работа Фрейда направлена на возвеличивание еврейского народа в духе сионизма, то можно посмотреть на многое с иной точки зрения.

«Очевидно, святое — это нечто, чего нельзя касаться». Фрейд хочет провести параллель еврейства со «святым».

Интересны рассуждения об инцесте, который раскрывает некоторые тайны еврейского народа.

«Мы намеревались понять, откуда проистекает своеобразный характер еврейского народа, который, вероятно, способствовал и сохранению его до сегодняшнего дня. Мы обнаружили, что этот характер выковал человек по имени Моисей, даровав ему религию, настолько повысившую его чувство собственного достоинства, что народ поверил в своё превос-

ходство над всеми другими народами. В таком случае он сохранил себя благодаря тому, что чурался их. Кровосмешение при этом мало беспокоило, так как их объединял идеальный фактор – совместное владение определённым интеллектуальным и эмоциональным достоянием. Моисеева религия оказала такое влияние потому, что она 1) позволила народу получить свою долю в величии нового представления о боге; 2) утверждала, что этот народ избран этим великим богом и предназначен для доказательства его особого благоволения; 3) навязала народу развитие духовности, достаточно важное само по себе, вдобавок открывшее путь к высшей оценке интеллектуальной деятельности и к дальнейшим отречениям от влечений».

Фрейд навязывает идею единого бога и тем самым единые правила веры в него, подчёркивая, что иудаизм является более совершенной моделью религии.

Работа Фрейда многоплановая и представляет большой интерес для глубокого анализа. Задача этой работы, как указывалось выше, – показать преемственность евреев в достижении их единой цели. Имея идею, имеешь цель. Имея цель, имеешь смысл жизни. Нужно признать, что цель достижения мирового вседержавия настолько огромна и властна, что не подчиниться ей довольно сложно, если ты – составляющая часть генетического кода целого народа, который просто болен, по признанию знаменитого психиатра и психолога, который это доказал, хотя говорил он о совершенно дру-

ГОМ.

Хочется отметить, что употребляю слово «еврей» только потому, что этим словом оперируют те, кто выступает якобы от их имени и воодушевляют их на «великие дела». Те, кто сделал жизнь каждого еврея целеустремлённой. Нужно никогда не забывать, что есть действительно генерирующие идею, такие как Штейнзальц, и есть носители генокода, которые заражены вирусом сионизма и слепо настроены на него. Легко обнаружить, что часть коренного народа, который мирится с проникновением идей ради посулов, делая огромную услугу «великим учителям» «избранного народа» и предавая свой действительно ущемлённый, если не сказать угнетённый, народ, живёт по правилам генерирующих, и есть евреи, которые также являются носителями генокодов «народов-хозяев». Характерной чертой этих носителей является то, что их состояние непостоянно. Эти качества имеют приобретённый характер и имеют динамику развития: одни окончательно заболевают, а другие имеют тенденцию к излечению от заразы. Нужно никогда не забывать, что еврей – такой же человек, как и все, до тех пор пока его душа не наполняется ядом превосходства, избранности и всех остальных качеств, приписываемых «избранному народу».

Говоря о Моисее, можно предположить, что он был ребёнком, незаконно рождённым женщиной, состоящей в родстве с фараоном. Это предположение напрашивается потому, что в мире, в котором мы живём, все отношения, неза-

висимо от того, в какой плоскости мы их рассматриваем, построены на принципе резонанса. Последующие события Моисеевой жизни, которые связали его с еврейским народом, говорят о том, что это происходило на генетическом уровне. Импульсы, которые мог генерировать Моисей, могли резонировать только в родственных генокодах, которыми обладала прослойка рабов Древнего Египта, а с другой стороны, он мог резонировать импульсы генокода египетского народа.

Сочетание кодов матери и отца, скорее всего раба-еврея, дали в сумме код, который развился у Моисея. Код завистливого по своей натуре, агрессивного и кровожадного, можно добавить, коварного раба попал на совершенно иной по своей структуре код, который в кодовой структуре египетской цивилизации занимал одно из центральных мест. Можно предположить, что в египетской структуре (пирамиде) генетических кодов развитие пришло к некоторому рубежу, когда в сознании человека, обладавшего подобным кодом, происходят процессы сознания действительности и открывается совершенно иная картина устройства мира и отношений, на которых построена она. Только это объясняет переворот в мышлении, который наблюдался у Эхнатона. Эхнатону открылось осознание, что мир построен не на тех принципах, на которые он опирался. Не на тех принципах, которые были обоснованы в учениях, главной задачей которых было обосновать незыблемость власти фараона.

Генетический код Моисея был изначально травмирован

путём неудачного сочетания и условий развития. Вероятно, связь с рабами была презрительна. Это, несомненно, наложило отпечаток на все его развитие и существование. По натуре яхвист (поклонник жестокого и кровожадного бога Яхве) стал обладателем сокровенных знаний, накопленных египетской цивилизацией, но не тех вершин, которых достиг Эхнатон, а тех, которые предшествовали этому. Отчасти многое потеряло смысл для фараона и поэтому образовался доступ к ранее тайному. Молодого Моисея, если допустить, что он знал о своей незаконности зачатия, должна была терзать мысль о неполноценности и естественное желание, которое обязательно появляется в ущербном воображении, – это неудержимое стремление к подражанию совершенству. У него не было никаких шансов достигнуть этого среди египтян, но была группа рабов-евреев, с которыми было генетическое родство. Моисей выделялся положением, образованием и главное – обладанием сокровенных знаний подчинения, необходимых ранее фараону для организации власти. И сразу выстраивается цепь логических построений. Бог Яхве – жестокий, коварный и кровожадный, чьё господство основано на грубой силе, должен был сочетать справедливость, и справедливость трансформируется в подчинение: слабый должен подчиняться сильному. Это совсем не та справедливость, которую имел в виду фараон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.